

Николай Лесков

Случай у Спаса в Наливках



Николай Семёнович Лесков

Случай у Спаса в Наливках

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175413*

Аннотация

«В Москве, в церкви Всемилоственного Спаса, что в Наливках, в 1727 году, было два священника и дьякон. Один из священников, отец Гавриил (Григорьев), был «действительный поп», т. е. настоящий священник здешнего прихода, а другой – отец Кирилл (Федоров) «не действительный», а «приукаженный поп, по эпитрахильному указу», то есть это был безместный и приставленный к церкви Всемилоственного Спаса в помощь «действительному» священнику, отцу Гавриилу...»

Содержание

| | |
|---------------------|----|
| Глава первая | 4 |
| Глава вторая | 7 |
| Глава третья | 10 |
| Глава четвертая | 13 |
| Глава пятая | 16 |
| Глава шестая | 19 |
| Глава седьмая | 21 |
| Глава восьмая | 24 |
| Глава девятая | 28 |
| Глава десятая | 31 |
| Глава одиннадцатая | 34 |
| Глава двенадцатая | 37 |
| Глава тринадцатая | 42 |
| Глава четырнадцатая | 45 |
| Глава пятнадцатая | 51 |
| Глава шестнадцатая | 56 |
| Глава семнадцатая | 61 |

Николай Лесков
Случай у Спаса
в Наливках
Московское
происшествие 1727 г
Рассказано по
официальным
источникам

Вчера печаль, рыдание и скорбь всех чад церкви Божией; то же и сегодня; да и долго еще будет так. О, если бы мне не возвращаться на прежнее!

Евстафий, митроп. солунский (XII в.)

Глава первая

В Москве, в церкви Всемилоственного Спаса, что в Наливках, в 1727 году, было два священника и дьякон. Один из священников, отец Гавриил (Григорьев),

был «действительный поп», т. е. настоящий священник здешнего прихода, а другой – отец Кирилл (Федоров) «не действительный», а «приукаженный поп, по эпитрахильному указу», то есть это был безместный и приставленный к церкви Всемилоственного Спаса в помощь «действительному» священнику, отцу Гавриилу. «Приукажен» поп Кирилл был на срок, а именно «на один год», но прирос тут как-то плотно и служил уже несколько лет, как поп, «приходским людям гожий».

Лады у священников были – как это часто бывает – не особенно хорошие: Кирилл завел против Гавриилы «приказную ссору». В наших православных «двуштатах», как известно, есть достаточно таких «междусобных обстоятельств», которые делают нелады между левитами совершенно понятными.

Что за человек был отец Гавриил, этого по делу не видно, но отец Кирилл был из тех, с которыми трудно «учредить церковь Божию». Во-первых, он запивал и в подпитии был шаловлив и дерзок; во-вторых, у него были особенные слабости, совершенно неудобные лицу, предстоящему престолу божию.

Склонность к пьянству и ребячливые во время подпития поступки отец Кирилл обнаружил вскоре же по прибытии к церкви Спаса на Наливках, но из проделок его за двери храма долго ничего не выходило, а из этого, кажется, непременно следует заключить, что

товарищ отца Кирилла, «действительный поп» Гавриил, был человек снисходительный и неядебливый.

Однако, как кувшин, ходя по воду, оканчивает тем, что ломает себе голову, так и шаловливому отцу Кириллу положен был предел, дальше которого не могли идти без наказания его неиерейские дела, и случилось с ним следующее.

В воскресенье, 9 июля 1727 года, рано утром отец Кирилл служил утренню. Очевидно: он начинал свою очередную седмицу и пьян не был. «Действительный поп», отец Гавриил, тоже находился тут, но не служил. На клиросах стояли певцы, на правом лучшие, а на левом худшие, и в числе их появился «в палиелей» один, может быть, из почетных местных прихожан «розыскных раскольницких дел канцелярист Перфилий Протопопов».

С этим-то лицом у отца Кириллы и завелась история, которая интересно изложена самим Перфилием в «доношении», поданном через четыре дня после происшествия в московскую духовную дикастерию.

По условиям печати мы исключим из этой характерной жалобы повторения и неудобные слова, употребленные доносителем о неудобной в церковнослужении слабости отца Кирилла. Далее дело является в следующем виде.

Глава вторая

«Июля 9-го дня, в воскресенье, по должности христианской (пишет Перфилий) случился я быть в приходской своей Всемиловитвейшего Спаса, что в Наливках, церкви у утренни и для пения церковного становился всегда на правом клиросе, и во время той утренни во палиелей, тоя церкви служащий, определенный за штатом недействительный священник Кирилл Федоров кадил всю церковь и народ по обычаю. По каждении же он, поп, паки взошел на правый клирос и кадил мне (Перфилию) вторично – особищно других».

По обыкновению, в таких случаях «особищно» оказываемый должен был положить в руку кадящего священника какую-нибудь монету, и канцелярист Перфилий, разумеется, этот порядок знал, но имел какую-то фантазию его не исполнить: взял да ничего отцу Кириллу и не дал. Священник принял это за грубость – осердился и начал на Перфилья «не однажды намахиваться кадиллом, яко бы жартуя (т. е. как будто шутя), но собственно со прошением себе подаяния от денег, как обычай о том приходских церковей собирать священницы имут». «Намахиваться» на тех, кто не дает ничего за оказание, – тоже было в обычае,

и при этом иногда неблагодарного прихожанина ударяли кадиллом, а иногда только осыпали его горящими угольями. «Углие горящее собираша на голову его».

Чтобы избавиться от такой экзекуции, надо было скорее «дать попу на кадило», но Перфилий говорил, будто «тогда что дать ему (Кириллу) не случилось». Отец Кирилл так ни с чем и отошел, но не простил Перфилью его скупости, а когда «в приспевшее время (для пения) начал он (Перфилий) с прочими на правом клиросе петь антифоны, – потом пели и на левом, – и как они начали паки петь стихи по уставу», то отец Кирилл стал придираться и колобродить. «Тогда оный поп, выступя из алтаря, в священном одеянии, и кричал тоя же церкви пономарю Ивану Федорову, чтобы он антифонов не пел и правого клироса не слушал, а читал бы говорком, по-скорую».

Делалось все это с тем, чтобы дать Перфилию почувствовать, что если он отца Кириллу за особищное оказание ничем отблагодарить не нашел, то и распевание его на правом клиросе совсем не нужно. А чтобы он, Перфилий, еще яснее это понял, отец Кирилл «при тех словах» кричал всенародно о нем необычайно и бесчинно так:

– Что вы смотрите, что Перфилий поет антифоны! Он, де, пришел в церковь, напився котельного пива, да и распевает, а на каждение денег попу не дал. Так

делают только плуты и бездельники.

Такою неуместною выходкою отец Кирилл, по мнению Перфилия, «учинил в церкви Божией мятеж и посмеяние всенародное и последованию церковному во всем остановку и пресечение».

Чтобы не дошло до большего соблазна, в дело вмешался «тоя ж церкви действительный священник Гавриил Григорьев и приходские люди, чтобы он, поп, мятежа в церкви не чинил, но он не преставал». Антифонов допеть не дал, да еще заставлял распевшегося Перфилия читать прокимны, но это увидал пономарь, который взял и «проговорил говорком» прокимны на левом клиросе. «А антифоны за мятежем и несогласием оставили не допевши».

Тут поп Кирилл, видя, что скандал выходит не велик и не сочен, посягнул на большее и достиг цели.

«Как приспе время предо чтением святого Евангелия священнику, обратясь на люди, преподать мир, и он, поп Кирилл, обратясь из царских врат на народ, бесчинно закричал:

– Мир всем, кроме Перфилия проклятого и раскольника».

Глава третья

Обиженный канцелярист Перфилий не захотел простить этого попу Кириллу и собрал о нем еще некоторые другие сведения от дьякона Петра Стефанова да от сторожа Михаила Иванова. Тут он узнал, что все сделанное отцом Кириллом над ним, Перфилием, ничтожно в сравнении с тем, что приходилось от этого священника испытывать упомянутым дьякону и сторожу.

С ними отцом Кириллом учинено было следующее: «Еще в 724 году, в июне месяце, во время вечернего пения, отец Кирилл, напившись пьян, в святом алтаре и во священном одеянии садился на дьякона Петра и ездил на нем около престола, яко обычно детям играть чехардою.

Усмотря таковое попа Кириллы бесчинство, сторож Михайло дьякона Петра из-под насевшего попа вызволил», и оба они, – как дьякон, так и сторож, – «предъявили о том приходским людям».

Приход эту чехардою как будто не соблазнился и не обиделся.

Год спустя отец Кирилл устроил еще более смелый «мятеж», но в ином роде.

«725 года, мая, против 20-го числа, он, поп Кирилл,

напився пьян, во вечернее пение», обнажился в алтаре негоже, и находясь «во священном облачении», сделал здесь – так скажем – детскую слабость... В донесении это названо Перфилием по-простонародному, как в печати повторено быть не может.

Сторож и об этом «поповском мятеже» «извещал приходским людям», но и это извещение для отца Кириллы осталось снова без всяких неприятных последствий.

Обиженный канцелярист Перфилий, видя, что по па приходом не изнять, взялся за него на другой манер: он на народ, т. е. на приходских людей, не стал располагаться, а списал все, что мы теперь передали, и отрепортовал московской духовной дикастерии под видом опасливости, «чтобы ему, Перфилию, за необъявление оногo мятежа и бесчиния чего не причлось».

Перфилий будто и не хотел бы доносить, но боязнь его к тому понудила. А чтобы зачинаемое против отца Кирилла дело было на суде лепко и крепко, канцелярист Перфилий прописал и не малый облак свидетелей. «Видели, говорит, и слышали весь оный мятеж священник Гавриил Григорьев, дьякон Петр Степанов, жилец его Шелковник, пономарь Федоров, сторож Михаил Иванов, да купецких людей по именам 11 человек, да подьячий 1, да других довольное число».

То есть, значит, выставил во свидетели полну церковь людей, с попом, дьяконом и дьяками.

В дикастерии поставленное таким образом дело уже не могло остаться без последствий и получило законный ход по судебным обычаям тогдашнего времени, от которых, впрочем, по духовной юрисдикции, существенно не разнятся еще и нынешние.

Глава четвертая

Призвали попа Кириллу Федорова в дикастерию, – только не скоро. Девятого июля он делал «мятеж», 12-го, того же июля, Перфилий уже очистил себя, «дабы чего не прилучилось», и подал донос, а попа позвали к допросу только 21-го декабря 1727 года, т. е. перед самыми Рождественскими праздниками.

Поп Кирилл стал на допрос во всей неодоленной силе и типической красоте русского ответчика XVIII века. Что касается до дела и до обвинения, на него принесенного, – того-де не было и он, поп, про то знать не знает и ведать не ведает; а что касается до свидетелей, то со всеми теми из них, кои ему «не гожи», он, Кирилл, озаботился завести «приказную ссору», – значит, сделал показания их пристрастными и лишенными достоверности.

Время к тому, чтобы позавесть ссоры (с 1-го июля по конец декабря), как видим, было дано достаточное. Поп этим и воспользовался.

Выписывать всех ответов отца Кирилла нет надобности, потому что они представляют одно наглое и сплошное отрицание всего, в чем опасливый Перфилий обвинял попа со ссылкой на свидетелей. Одно только поп косвенно признал – это то, что обойдя цер-

ковь с каждением, он на обратном следовании в алтарь зашел на правый клирос (где уже прежде кадил другим сладкопевцам) и тут покадил в особливую статью Перфилию, но «только однажды». И это каждое он, Кирилл, сделал потому, что когда он прежде оказал общим каждением всех поющих на клиросе, то Перфилия тут не было, а после он подошел и стал. Отец Кирилл сейчас и исполнил свое дело – покадил ему. «Намахиваться» же на него кадилом он не намахивался, и питьем котельного пива его не урекал, и «мирствуя народы» из того общего благословения Перфилия не исключал, и подлецом его не называл, да и «подаяния» за каждение себе вовсе не желал и не просил. «Обычно есть» это прочим попам в Москве, но он, отец Кирилл, не такой, – он совсем не то, что те, иже «на каждение собирают».

Словом, выходило, что Перфилий кругом оболгал и оклеветал попа Кирилла и, вдобавок, сделал это ни за что ни про что, или еще хуже – в благодарность за то, что он, Кирилл, ему покадил. Что же касается до выставленных Перфилием свидетелей, то они в очень большой доле не могут против отца Кириллы свидетельствовать, потому что он «имеет с ними приказную ссору».

Таким приемом он отстранил в числе прочих и попа Гавриила, который, как ниже увидим, очень долго его

терпел и не выживал от себя, когда все права Кирилла на священнодействия у Спаса в Наливках давно уже кончились. Устранил он пономаря Ивана Федорова и еще несколько человек из прихожан, но зато сослался на некоторых иных людей, и в том числе на дьякона Петра, на котором он, по словам Перфилия, будто бы ездил чехардою. Этого он отвести не мог.

Надо думать, что дьякон был человек смиренный, на котором буквально «ездить можно», а «приказной ссоры» завести нельзя.

Все дело дальше показывает, что это один из тех праведников, которые даже и обид своих доброй половины не помнят.

Глава пятая

Позвали в дикастерию дьякона Петра в числе других свидетелей «порознь» и стали его допрашивать «по евангельской заповеди Господней – ей-ей». А было это допрашивание, надо полагать, уже после отбывшихся Рождественских праздников, потому что показание отца дьякона начинается словами: «в прошлом 727 году». Стало быть, это происходит по меньшей мере после «крещенской воды» 1728 года. В течение святок весь этот благочестивый причет вместе с Кириллом служил, молился, разгавливался и Христа славил по приходу, «со звездою путешествуя».

Во всех этих промедлениях и молитвенных сношениях, конечно, встречались обстоятельства, которые многое смягчили и сгладили, да и кроме того дали виновному иные средства к умилоствлению сердец, но, однако, несмотря на все это, добрый и малообидчивый дьякон Петр, на которого «слался Кирилл», произнеся евангельское «ей-ей», показал, что сказание о чехарде верно. Дело было, по его словам, так, что «когда он, дьякон, во время вечернего пения, по обыкновению перед выходом (на амвон) поклонился святому престолу», то «поп Кирилл Федоров, напился пьян (т. е. будучи пьян), во всем священном оде-

янии, на него во святом алтаре садился, яко бы подобно детской игре чехарде». Давая это показание по долгу евангельскому, он как бы желал снять с себя вину и даже отстранить подозрение в том, что не позволил ли он сам попу на него «садиться», когда и он тоже был в «священном одеянии», и для того тщательно пояснил, что «поп Кирилл учинил то внезапно», и с неотстранимою ловкостью, а именно: он вскочил и сел на него, дьякона, во время поклона, который тот сделал истово перед святым престолом. Дьякон осенил себя крестным знамением и поклонился довольно низко, а предстоявшему перед алтарем отцу Кириллу эта позиция показалась очень заманчивою, и он не пропустил случая, – привскочил и сел на дьякона чехардою, – так что личной вины дьякона в этом никакой не было. Напротив, он даже оборонялся и «с себя попа Кирилла столкнул, и он, поп, упал на пол, и в то время его, попа Кирилла, поднял той церкви сторож Михайло Иванов», а он, дьякон, «о таком его, попа Кирилла, бесчинстве, объявлял приходским людям. Но около престола он, поп Кирилл, на нем, дьяконе, не ездил».

Значит, против доноса Перфилия только две отмены: 1) поп упал с дьякона, потому что дьякон его сам сбросил, а не сторож его «вызволил», и 2) скачка чехардою в алтаре хотя и была, но езды верхом на дья-

коне «вокруг престола» не было, потому что дьякон Петр отца Кирилла с себя скинул на пол.

Донос Перфилия в главной его сущности подтверждался, и только в частности эти церковные события немножко варьировались. По делу видно, что дикастерия, вероятно, точно исполняла свое намерение допрашивать свидетелей «порознь».

Глава шестая

Спрошенный после дьякона сторож Михайло Иванов показал, что «поп Кирилл напился пьян, во время вечернего пения во святом алтаре во священном одеянии на дьякона Петра чехардою садился, и то он, Михайло, видел, а как дьякон попа столкнул и поп упал на пол, в то время Михайла попа поднял, и о его, Попове, бесчинстве и дьякон Петр и сторож Михайло приходским людям извещали. Около же алтаря поп Кирилл на дьяконе не ездил», но зато «в 725 году, мая, против 20-го числа», бес попутал отца Кириллу другим искушением, о котором сторож Михайла открылся дикастерии в таких словах, которых в подлинности переписать из его показания, по условиям печати, невозможно, и приходится только слегка и намеками обозначить – в чем состояла главная суть этого нового события.

Служил отец Кирилл вечерню «пьяный и призвал в алтарь сторожа и велел ему держать кафтанную полу». Сторож, недоумевая, к чему это клонится, исполнил приказание и подобрал полу, как будто для того, дабы в нее что-либо можно насыпать, но отец Кирилл совсем не то сделал, а неожиданно для Михайлы приспособил его кафтан совсем для иного употребления

– по естественной надобности... И делал то отец Кирилл, предстоя алтарю и «находясь во всем священном облачении»...

В показании Михайла все это рассказано с подробностями и точными всему именованиями, простонародными словами, как водилось в русских допросах XVIII века и во французских романах времен директории.

Когда поп кончил свое нетерпеливство, то остался служить у престола, а сторож с своею переполненною полою пошел из алтаря через церковь к выходу вон, но «как нес церковью, то из полы падало».

Сторож и об этом «приходским людям извещал», да многие из них и сами то въявь видели, как он «в той поле нес из алтаря через всю церковь и везде по следу было пролито», но приходским людям опять и это за важное не показалось.

Глава седьмая

Дикастерия увидела, что дело имеет очень грубый и скандальный характер, и для того положила основаться на этих двух показаниях – дьякона Петра и сторожа Михайлы, так как показаний этих и в самом деле было довольно для убедительности, что донос справедлив; а всех остальных «купецких людей, и жильца и подьячего» – более двенадцати человек – не допрашивали. Может быть, это было опущено в тех соображениях, чтобы не разводить напрасной срамоты в деле, сущность которого двумя ближайшими свидетелями попова бесчинства изобличалась вполне. «Двою бо свидетелями явится всякое дело». Так оно по Писанию, да так бы следовало принять и по разуму. По крайней мере, очень немало людей и теперь склоняются к теории «очевидной достоверности», на которой желали бы основывать приговоры по преступлениям, влекущим несравненно большую кару, чем та, которой подлежал за свое очевидное бесчинство поп от Спаса в Наливках.

В московской дикастерии в это время сидел знаменитый архимандрит Серапион, а секретарем был Севастьян Зыков. Они нашли нужным удостовериться: имеет ли еще этот поп Кирилл права на то, чтобы

священнодействовать у Всемиловитового Спаса, и потребовали из московского синодального приказа сведений: «помянутый поп Кирилл с которого года вдовствует и при той церкви по-епитрахильному ли служит?»

Казенный приказ вдолге или вкратке ответил, но не сполна, а однако все-таки вышло курьезно. На вопрос о вдовстве Кирилла казенный приказ «промолчал», а о правах Кирилла на священство отписал: «что 723 года, генваря 22-го дня, епитрахильная память оному попу Кириллу дана на год; а с 724 по 728 – оному попу Кириллу в даче не имеется».

То есть выходило, что Кирилл перед совершением своих бесчинств уж с лишком три года не имел никаких прав священнодействовать в приходе Всемиловитового Спаса, и во все это время как причет, так и приходские люди, зная о том, молчали...

Дикастерия обсудила дело и 16-го апреля постановила донести синоду, что попа Кирилла надлежит сослать в дальний монастырь, в строгое подначальство. Но, независимо от сего, 18-го апреля, во исполнение этого самого решения от дикастерии пошло в синод «доношение за руками архимандрита Серапиона и секретаря Зыкова», и тем доношением «требуется (от синода) резолюции, что ему, попу, учинить?» Очевидно, здесь дело идет о московском отделении

синода, которое в этих годах действовало, кажется, с большею самостоятельностью, чем нынешняя синодальная контора. (Это были годы, когда тоже шли разговоры о «возвращении домой».) «Того ж числа (как секретарь Зыков внес дело из дикастерии в синод) доношение из св. синода отдано паки в дикастерию с таким приказанием, чтобы попа Кирилла за его бесчинства отослать из духовной дикастерии в Пафнутиев монастырь, что в Боровске, при указе – в том монастыре постричь в монашество и содержать его в монастырских трудах до кончины жизни его неисходно».

Срок для «невольного пострижения», как в ином месте из дела видно, полагался «шестинедельный». Шесть недель невольник должен был пробыть в монастыре, а потом следовало его «подневольно» воспринять в чин ангельский.

Глава восьмая

Необычайная скорость синодальной расправы с отцом Кириллом, вероятно, должна быть объяснена тем, что в тогдашнее время вместе с делом часто препровождались и сами подсудимые, и подсудимые попы из московских и петербургских помещений синода чрезвычайно часто бегивали (см. мое исследование о «Бродягах духовного чина»). Нередко они удирали вместе со приставленною к ним кустодиею, с которою вкупе совещавали суетная и ложная, и потом их приходилось разыскивать всегда с большими хлопотами и всегда почти бесполезно, ибо их укрывал нуждавшийся в каком попало священстве раскол. «Бродяги духовного чина» делали столько неудобств синоду, у которого не было для содержания их ни верной стражи, ни крепких запоров, что синод имел причины отделяться от этих господ как можно скорее.

Но необычайная скорость, с которою в московском синоде зарешили постричь в ангельский чин бесчинствовавшего в миру Кирилла, отнюдь не заставляет опасаться, что дело его в этой инстанции не было хорошо соображено и обсуждено. Дело это, без сомнения, пользовалось в московском духовенстве такою обстоятельною известностью, что тамошний синод,

конечно, знал все, в чем Кирилл проступился, и не имел насчет его виновности ни малейшего сомнения. А потому синод решил для себя участь отца Кирилла прежде, чем дикастерский секретарь Зыков «внес» официальное донесение.

Тут оставалось только оформить загодя составленное уже решение, которое сейчас же и сдали назад в дикастерию, чтобы не иметь на руках беспокойного невольника.

Смысл приведенного синодального решения, конечно, странен для теперешних взглядов и понятий. Во-первых, постригают человека в монахи не только не спрашивая, желает ли он или нет сподобиться чина ангельского, а прямо «подневольно»; а во-вторых, при понятиях нынешнего растленного века кажется несообразным и оскорбительным для идеи иночества наказывать безнравственного человека возведением его в сан иеромонаха. И несообразность эта увеличивается еще более тем, что после возведения бесстыдника в сан иеромонаха его надо употреблять в черные монастырские труды и содержать при монастыре невольником «до конца его жизни»... Все это и нелогично, и совсем несоответственно с преступлением. Но случилось с накуролесившим Кириллом по писанному в синоде: его отвезли в Боровск и 3-го мая сдали в Пафнутьев монастырь приказному того монастыря

Евсевию Заломавину.

Оставалось отца Кирилла выдержать шесть недель и потом (если он не убежит) постричь его в монахи.

А отец Кирилл между тем чина ангельского не жаждал. Напротив, он тяготел еще к грешному миру, он желал возвратиться к Всемиловитовому Спасу в Наливках, и как сейчас увидим, кое-что для этого уже устроил с весьма хорошим для человека его положения соображением.

Вместо того, чтобы сокрушаться духом и, смирясь, начать плакать о своих грехах у раки святого Иакова Боровского, Кирилл, стоя на самом краю разверзтой пропасти, решился вступить в отчаянную борьбу с осудившими его московскими духовными властями и отбиться от «подневольного пострижения» в чин ангельский.

Знал он или не знал, как там, на севере, в «чухонской столице», борются тогдашние самобытники и западники, – решить трудно, но очень мог и знать. Он уже давно влачил по дикастерским крыльцам и монастырям, а в монастырях политикою занимаются так же ревностно, как «всем тем, чем (по выражению митрополита Евстафия) им заниматься не следует».

Там все знают и иногда соображают весьма тонко: начинался 1730 год, и на горизонте восходила звезда Анны Ивановны, а за нею выплывал на хвосте

«немец» Бирон...

Переезд «домой», о котором заговорили было при Петре II, делался недостаточным вздором, над которым начали уже подшучивать те, которые еще так недавно сами об этом болтали.

«Немец» должен был войти в силу и значение, и «духовные вышнеполитики», конечно, примкнуть к нему. Москва и все московское пойдет на убыль, и люди «чухонской столицы», конечно, будут опять находить удовольствие делать все, что можно сделать наперекор Белокаменной.

Кирилл, очевидно, сообразил «действие» разнообразных элементов, кои начали обнаруживать на русскую жизнь свое влияние, и пустил челобитную на Москву в Питер, и запросил как можно больше, – чисто по-московски, – «чтоб было из чего уступить».

Он знал, что «запрос в карман не лезет», а между тем побольше спросить, так люди растеряются и... как раз дадут то, чего не следовало.

Глава девятая

Напоминаем, что политический момент был крайне острый, а в частной судьбе отца Кирилла наступал «последний день его красоты». Приказный Пафнутиева монастыря Заломавин был человек крутой и отцу Кириллу не мирволил; он запер его с ломтем хлеба и кружкой воды в особливую келью и держал на замке. Так, вероятно, он хотел его проморить до пострига в монахи. Кириллу оставалось только лить слезы и петь «жалостные калязинские спевы», сложенные подобными ему жертвами «подневольного пострижения»:

Ах, и что же это в свете преуныло,
Преуныло, в большой колкол прозвонило.
Поспешите, други, в келийку погреться,
Принесите мирско платье одеться.

Этот роковой, страшный звон действительно становился для него «глаголом времен». Сведут его, ловкого прыгуна, в церковь – отдадут «в срачице» двум каким-нибудь здоровенным инокам «под мантии»; те его ангельски прикроют с головою воскрылиями мантий, а под этим мантийным приосенением сдавят могучими железными руками «за природный шивороток

невороченной кожи» и повлечут к ногам настоятеля... Кирилл, конечно, добре знал, какие в московских монастырях были и есть сих дел мастера, у которых не вывернешься, и «поперечного слова» не скажешь, потому что «кадык в горле будет сдавлен»; а те дадут за него и ответы и обеты. А настоятель, ничтоже сумняся, его острижет и возложит на голову его священный куколь, или шлем духовный, и наречет ему иное имя, под которым и пропадет для мира поп Кирилл.

Гний после того всю остальную жизнь «в черных трудах» и будь у всякого монастырского братаря и вратаря в «попихачах», или, согрев в душе отвагу, ищи случая схватить где-нибудь доверчивого брата или из церковной сокровищницы денег, да сманив из ближнего женского монастыря соскучившуюся монахиню, беги с нею в раскольничьи слободы, объяви черницу женою и служи на семи просфорах по древнему благочестию. Но ведь сколько тут риску и хлопот, да и житье там не всегда удобное для человека такого живого и резвого характера, каким отличался отец Кирилл. Однако до этого не дошло дело. Кирилл переносил описанное мучительное состояние всего только шесть дней, в течение коих иноки Пафнутиева монастыря не могли еще его остричь под куколь, а 9-го того же июля настоятелю монастыря, архимандриту Дорофею, прислан из св. синода указ, коим «велено, не

чина попу Кириллу невольного пострижения, выслать в Москву во св. синод для освидетельствования», а вместе потребовано о нем в синод и подлинное дело.

Архимандрит Дорофей тотчас же послал Кирилла в Москву «с слугою Владимиром Афанасьевым», а дикастерский секретарь Зыков внес все дело о нем в синод.

Каким чудом мог быть устроен столь дивный и для всех неожиданный поворот дела, совершившийся, так сказать, на самом острии ножа?

Конечно, это устроено находчивостью смелого и проницательного ума самого отца Кирилла, который умел соображать веяния и оставил нам любопытный образец своей замечательной стилистики.

Глава десятая

В то время как дикастерские судьи в Москве после долгого думания вдруг сразу приступили к рассмотрению доношения приказного Перфилия, отец Кирилл сразу сметил, что в Москве ему не доброхотят, и написал на государево имя убедительную челобитную, направив ее в «Феофановы руке», ибо «той бе древлей Москвы не великий обожатель».

В челобитной Кирилл изобразил тако: «Всепресветлейший, державнейший, великий государь! Доносил на меня, нижайшего богомольца вашего, канцелярист Перфилий Протопопов, затеяв ложно и поклепав напрасно, а о чем, – то значит в его доношении, яко бы по ссылке его Всемиловитового Спаса, что в Наливках, диакон Петр, с согласия его, Перфилия, и за ссорою со мною посягательством своим, забыв страх Божий и диаконского своего чина чистое обещание, учиня клятвы своя преступление, во свидетельстве своем сказал явную неправду, и с доносительским доношением нимало не согласно, но явная рознь и убавочные затейные речи, будто в июле месяце, а в котором числе, того не показав, будто во время вечернего пения, напивься я, нижайший, пьян и в алтаре, в священном одеянии, на него, диакона, садясь чехар-

дою, и того я не чинил». Все это, по словам Кирилла, «поклеп», и «рознь», и «убавочные затейные речи» заключаются в том, что Перфилий доносил, будто Кирилл «на дьяконе вокруг престола ездил», а дьякон показал, что он, Кирилл, на него только садился «и в том стала рознь». Равно и о происшествии с полою сторожа Михаила сделано «душевредное лжесвидетеля доносительство», ибо если бы, де, то правда была, то надо бы и в тех же годах и числах доносить и прямо дикастерии, а не доносителю Перфилию, потому что он, Перфилий, в своем затейном доношении написал «постороннее». Извиваясь во все стороны, отец Кирилл метнул подозрением и в самих свидетелей, что те там-то и там-то у знакомых людей будто иначе говорили, а на суде еще иначе показали, и особенно нагнали о происшествии с полою. «Говорил же сторож в доме тяглеца овчинной слободы Муравцева, что поп, де, (т. е. Кирилл) просил у меня (сторожа) из укропу воды, и та, де, ему показалась мутна и тое воду плеснул», а ничего по-детски в полу его не сделал. А вывод у Кирилла такой, что «и потому оных диакона и сторожа всякая неправда и означилась».

Притом же Кирилл за это время устроил, что у него и против дьякона с сторожем завелась «приказная ссора»; а те свидетели, на которых он, Кирилл, ссылался, «не сысканы». Да кроме того провинился пе-

ред ним Крутицкий архиерей Леонид в том, что когда Кирилл дважды подавал его преосвященству «спорную челобитную – принимал у него ту челобитную, но, прочтя, отдавал по-прежнему».

Все это злоушищенное кляузничество и крючкотворство, по которому тоскливо вздыхают пустомысленные невегласы нашей попятной дружины, было в духе того времени и характеризовало наше отвратительное судопроизводство до лучших дней Александра II. А заключалась вся такая каверза просительным воззванием к монарху, под титулом которого наглец писал всякую ложь и требовал к ней внимания «за государево имя». «Вели, государь, сие мое челобитье в синоде принять и не вели, государь, в монастыре в монашеский чин меня безвинно постригать: а вели, государь, милостивый указ учинить и возвратить меня по указу по-прежнему в Москву».

Глава одиннадцатая

Кажется, можно быть уверенным, что человек самый неопытный в делах и легковёрный не мог бы посмотреть на эту челобитную иначе, как на пустой изворот человека, несомненно виновного и притом отвратительного кляузника, который со всеми для него неудобными свидетелями затевает повсюду «приказные ссоры», а шлется в свое оправдание на таких людей, которых сам выставил, наверно вперед зная, что их отыскать нельзя. Да и для чего их разыскивать? Главные проступки Кирилла совершены в алтаре, где он «садился на дьякона» и нехорошо поступил с полою сторожева кафтана; но ведь там, в алтаре, никаких свидетелей этих происшествий не было, следовательно, чего их и искать?

Преосвященный же Леонид, вероятно, сарский и подонский, прибывший в Москву «на обещание» († там же, 1743 г.), конечно, не должен бы возвращать подсудимому его «спорных челобитен», дабы не отнимать у него всех средств к оправданию, но тогда у наших архиереев такое самочинство было в ходу, да иными невегласами и о сию пору иногда похваляется, как нечто отеческое. Если архиерею казалось, что «просьба нехороша», т. е. неосновательна, то он,

прочитав ее, тут же «возвращал просителю» и изрекал: «пошел вон». Это заменяло собою «отказную резолюцию» и в видах сокращения тогдашней отчаянной «волокиты» было бы, пожалуй, не совсем дурно, если бы только русские архиереи не были обыкновенные люди, которым по воле Творца свойственны все человеческие слабости и ошибки. Но как бы то ни было, а и этот самый факт, что архиерей Леонид возвращал попу Кирилле его жалобы, несомненно дает право думать, что жалобы эти были кляузные и вздорные, — в роде той, которую он послал в петербургский синод. Преосвященный Леонид, возведенный в сан епископский из архимандритов московского Петровского монастыря, конечно, знал более или менее все выдающееся в московском духовенстве, и отец Кирилл, вероятно, был ему хорошо известен, так как подобных ему иереев, вероятно, было не очень много, и во всяком случае Кирилл между ними мог занимать весьма видное место. А потому, казалось бы, что надо дать больше веры свидетельствовавшему по евангельской клятве дьякону и ничем не опороченному сторожу, а с ними и Перфилью, и епископу с дикастерией, где о Кирилле тоже, чай, что-нибудь ведали, чем верить самому Кирилле, но петербургский синод взглянул не так. Тут сидели тогда три иерарха: знаменитый Феофан Прокопович, будущий невинный

страстотерпец Феофилакт Лопатинский, да Игнатий Смола, митрополит коломенский. Они, в заседании 4 июля, и решили – «невольное пострижение Кирилла приостановить, а дело пересмотреть». О чем в Москву и послали указ, подписанный тако: «Феофан, архиепископ новгородский; Феофилакт, архиепископ тверской, и Игнатий, митрополит коломенский».

Не считая последнего, два вышеподписавшиеся были своего времени светила. Феофан Прокопович как «око и рука царская», а Феофилакт Лопатинский как человек прямого и честнейшего характера, который и довел его если не до мученичества, то, по крайней мере, до страстотерпчества. Не посчастливилось, впрочем, и Смоле, который, при коловращениях 1730 года, в декабре был сослан в Свяжский, а потом в Николо-Корельский монастырь, где и протомился еще целые одиннадцать лет († 25 дек. 1741).

Глава двенадцатая

Как черта нравов великодушной Москвы, давно протестующей против возмущающего ее петербургского мелкодушия, чрезвычайно любопытно, — как там, в этом сердце русской «самобытной непосредственности», отнеслись к вмешательству трех «хохлов»? Конечно, если не люди должностные, от которых трудно ждать больших доблестей независимого духа, то народная среда, совершенно свободная располагать собою в приходском деле, тут покажет свою стойкость и верность добрым обычаям. Приход станет за то, чтобы ему не навязывали такого бестыжего пастыря.

Посмотрим!

Едва слуга Пафнутиева монастыря Владимир по распоряжению «хохлов» привез Кириллу из Боровска обратно в Москву, здесь все для подсудимого против прежнего отменилось и расцвело. Прежде все, не исключая преосвященного Леонида, боялись, что Кирилл уйдет из рук, и томили его под караулом; теперь, когда он в самом деле начал уходить, его прямо с монастырской телеги отдают «на расписку» в том только, чтобы ему «с Москвы не съехать», пока он подпишется к выпискам, какие будут сделаны на подан-

ной им его императорскому величеству челобитной. Весь ответ за его целость возложен на «порутчиков», и поручиков явилось довольно, и все из иереев. Пришли за него поручиками попы от Дионисия Ареопагита, от Дмитрия-мученика и от апостола Андроника, да еще к ним пристал и «синодального дома поддьяк», и все они с милою радостью «попа Кириллу на расписку взяли».

Но попы и московские дьяки издавна славились своею искательностью, а есть еще народ, община, т. е. прихожане церкви Всемилоственного Спаса в Наливках. Тут свой толк и свой независимый разум. Они и сказались, только престранно: прихожане Спаса в Наливках в числе 42 «персон» подали от себя на высочайшее имя прошение, в котором молили: «повели, всемилоственный государь, нашему приходскому попу Кирилле Федорову при оной нашей церкви служить по-прежнему, понеже он нам, приходским людям и вкладчикам, всем удобен».

Какая по этому последовала резолюция, из дела не видно, а «приходские люди» стояли на своем и 2-го декабря подали вторую такую же просьбу в синодальный казенный приказ, и там опять писали, что поп Кирилл им хорош и они просят «дать ему к их церкви для служения епитрахильную память».

Поп Кирилл, который, состоя за «порутчиками», все

это благоустроил, сейчас же пустил новую челобитную на государево имя. Он, как мирской человек, отдавал себя во власть прихожан и просил с ним «учинить по приходских людей прошению». При этом он прибавил, «что служить готов и уже поисповедался».

Синод внял молению «приходских людей» и 14-го января 1730 года постановил, что как указанные попом Кириллом свидетели не «сысканы» и «затем совершенно того дела решить невозможно (?!), а приходские люди и вкладчики заручным челобитьем просили оному попу Кириллу при той церкви для священнослужения быть по-прежнему, понеже он приходским людям и вкладчикам всем угоден. Приказали: по оному приходских людей челобитью помянутому попу Кириллу быть при той церкви и священническая действовать, и для того дать ему епитрахильную грамоту, по обыкновению, взяв пошлины».

Приход, представленный в лице 42 персон, восторжествовал над всеми решениями дикастерии и московского отделения синода. «Поп не Божий, но приходу гожий», начал снова «священническая действовать по-прежнему», но можно ли видеть в этом торжество справедливости и благочестия? Есть ли тут хоть какой-нибудь залог доброго влияния такого примера на церковные дела в других местах?

Думается, что ничего этого нет, и обстоятельства до поразительности это подтверждают на протяжении целого столетия.

Друзьям «направлений» это, может быть, неприятно слышать, но мы собираем и группируем известные нам факты вовсе не для того, чтобы обобщить их во вкусе людей того или другого «направления». Нам приятнее просто искать уроков в прошлом, чтобы будущие новые шаги можно было обдумать опытнее и вернее.

Все, что делал в Москве поп Кирилл, продолжалось безустанно то здесь, то там целых сто лет. Идет это до поразительного и смешного сходства даже в самом характере бесчинства: пьянство, дебоши в церквях и т. п.

Случаев этих не перечислить и, наконец, они становятся столь общим «позорящим церковь» явлением, что св. правительствующий синод 5-го августа 1820 года решился не скрывать этого более, а подействовать на «позорящих церковь» обличениями и угрозами.

В этих видах синод напечатал и разослал по повелению государя Александра Павловича указ, из которого к ужасу нашему видим, что у попа Кирилла за сто лет наплодилось так много последователей, что государь Александр Павлович, его министр князь А. Н. Го-

лицын, а равно и весь и тогдашний синод нашлись вынужденными «принимать особые меры к охранению мирян от соблазнов духовенства».

Что же такое именно происходило и почему тут власть уже перестала посылать людей учиться благочинию к иереям, а озаботилась «охранять мирян от соблазнов духовенства»?

В 1730 году этого еще не было, а в 1820 уже оказалось нужно.

Что произошло в общей картине нравов русского духовенства?

Глава тринадцатая

В указе от 5-го августа 820 года напечатано, что до сведения государя императора Александра Павловича дошли «позор и нареkanie влекущие поступки духовенства». В общем все эти поступки напоминают характер происшествий, случившихся сто лет тому назад у Спаса в Наливках, но ближайшие из них, на которых, так сказать, оборвалось терпение Александра I, пропечатаны. Мы их сейчас узнаем, и при этом просим обратить внимание, что все эти события случились в разных местах, но около одного и того же дня – именно около праздника Благовещения, когда, по народному поверью, «даже птица гнезда не вьет».

Вот что свило при этом случае русское духовенство: 1) вологодской епархии священник Сперансов, 26-го марта 820 года,¹ «пришел пьяный в церковь к вечернему пению: сел на скамейку неподалеку от св. престола и...» В указе, хотя и печатном, но слишком точно, не по-печатному, выражено, что сделал отец Сперансов. Скажем одно: он сделал хуже, чем поп Ки-

¹ Значит, в страстную пятницу, при плащанице, ибо по полному месяцеслову Косолапова (Казань, 1874 г.) Пасха в 1820 году приходилась 28 марта. Синод этого вычисления государю, может быть не вывел (*прим. Лескова*).

рилл с полою сторожа... 2) В том же марте, в городе Торопце, соборный дьякон Ефим Покровский пришел пьяный к литургии и повел себя так, что его надо было выслать вон из церкви, но он ни за что не хотел выйти, «пока полицейским десятником был выведен». 3) Ярославской губернии, в г. Угличе, соборный священник Рыкунов «28-го марта (значит на первый день Пасхи) был за вечерним пением пьян, и когда протоиерей, по окончании вечерни, вошел в алтарь, то увидел священника Рыкунова лежащим и облевавшемся в алтаре». 4) В Кинешемском уезде, того же 29-го марта (в понедельник, на Пасхе), пришли в церковь к вечерне пьяные весь причт, и дьячок с пономарем стали буйнить. Унять их не было никакой возможности, и церковный староста выбежал из церкви вон, а самую церковь запер, приставив к дверям караул, и послал за благочинным. В церкви же с «чинившими буйство» дьячком и пономарем попался в плен и бывший в алтаре священник, стража из крестьян, приставленная старостою к церковным дверям, содержала там своего духовного отца и его причетников крепко, и только слухом внимала, какие внутри храма происходили боевые действия. Староста, вероятно, был мужик умный и находчивый, и огня замкнутым духовным не оставил.

Далее продолжаем словами указа: «По прибытии

на другой день благочинного оказалось, что священник с причетниками были через всю ночь заперты в церкви. На амвоне и на висящей у царских врат епитрахили было несколько капель крови, и самая епитрахиль по местам изорвана (батюшку причетники били, или батюшка их бил, это не объяснено). Евангелие было на престоле опрокинуто, кресты в беспорядке, св. ковчег – на лавке у левого клироса, на престольная одежда с трех сторон, а особливо с задней, почти вся изодрана и окровавлена; из книг Триоди Цветной несколько листов вырвано и вместе с книгою брошены посреди церкви, а у дьякона Егорова руки искусаны и в крови».

Глава четырнадцатая

Четыре такие происшествия, зараз случившиеся между праздниками Благовещения и Пасхой 1820 года, так встревожили князя Голицына, что он довел о них до сведения императора.

Государь Александр Павлович этим «сильно огорчился» и очень правильно заметил, что духовные люди, натворившие такие чудеса, «конечно уже прежде были неспособны к отправлению их должности и не могли вдруг дойти до такого крайнего разврата».

Синод против этого не оправдывался, да и что бы такое он мог привести в оправдание епархов, у которых описанные гадости имели место? Замечание государя было глубоко верно: вдруг такие гадостники не являются, и тот, кто их воспитал и терпел к растлению и соблазну темных прихожан, подлежал бы сугубой каре, чем сами бесчинные попы и дьяки.² Государь и министр князь Александр Голицын горячо прониклись энергическим желанием остановить та-

² Епархиями, где произошли в 1820 г. эти бесчинства, правили в Вологде епископ Онисифор Боровик, из обер-священников; в Пскове знаменитый Евгений Болховитинов; в Костроме – Самуил Запольский, а в Ярославле (где духовные подрались и погрызлись и искомьянили алтарь) – Филарет Дроздов (*прим. Лескова*).

кое крайнее развращение в духовенстве, чтобы эти учителя благочестия по крайней мере хотя не поселяли «соблазна в прихожанах, которые, видя таковых пастырей, нарушают иногда и сами правила христианские». Государь приказал, чтобы взяли самые действительные меры унять соблазнительей темного простонародья, и Голицын, как синодальный обер-прокурор, подробно объяснил отцам святейшего синода, в чем именно государь Александр Павлович усматривал «причину соблазнительной для прихожан безнравственности русского духовенства».

Но святейший синод и сам знал, в ком и в чем эта причина, и открывался, что он уже не раз пробовал унимать бесчинное духовенство, но безуспешно.

По смыслу указа 20-го года видно ясно, что государю было известно, как духовенство многократно было увещеваемо жить нравственнее, но что все эти многие и долгие увещания и убеждения многих прежних лет на наших духовных «не имеют желаемого действия не от чего иного, как от слабого за ними надзора и от несоблюдения мер, установленных к истреблению в духовенстве пороков».

Кто же мог составлять этот «надзор»: епископ с его духовным штатом или мир, народ – прихожане?

Теперь очень многим, особенно из людей, не знающих истории церкви, кажется, что лучше всего дер-

жать духовенство в зависимости от воли прихода, и это действительно не противоречит древней церковной практике и имеет свои хорошие стороны, но имеет и дурные.

Благодаря сухому, безжизненному и вообще ничего не стоящему преподаванию церковной истории в русских учебных заведениях, у нас вовсе не знают, каких излюбленных миром невежд присылали приходы к епископам для поставления, и почему практика заставила оставить этот порядок, по-видимому, самый приятный и наилучший.

Безусловным партизанам избрания и смещения священника приходом не следует, по крайней мере, забывать того, чем показали себя в нынешней нашей истории с попом Кириллом «сорок две персоны», сделавшие все, что захотели, от имени целого прихода Спаса в Наливках... И подобные вещи бывали не раз и не в одной Москве, которая дорога тут для примера, как «дом», где все в порядке. А что бывало, то, конечно, и паки быть может, хотя бы и с некоторым видоизменением в приемах. Но ни император Александр I, ни князь А. Н. Голицын не были причастны тому народничеству, которое на один лад понималось в век императора Николая I и еще иначе трактуется некоторыми ныне. И благожелательный «восстановитель тронов» и кн. А. Н. Голицын были по воспитанию и по

вкусам своим европейцы и хотели в жизни просто лучшего, более облагороженного и более отвечающего их, без всякого сомнения, до того возбужденному идеалу, что осуществление его в России представлялось очевидною невозможностью. Особенно это чувствовалось в вопросах религии, в которых они парили так высоко, что обоим, по совету преподобного Нила Сорского (Майкова), надо было желать «опустить на землю». Стремясь к благоугождению богу, с каким-то болезненным пиетистическим жаром они искали на земле не простых добрых, рабочих и богопочтительных людей, а прямо ангелов, «видящих лицо Его выну» и неустанно вопиющих «свят». Такой высокий духовный запрос тотчас же вызвал и соответственное предложение: являлись ловкие люди, которые, не моргая глазами, сказывали, что они уже прошли несколько небес и успели получить непосредственные откровения, но только до времени остались на земле, дабы ознакомить других с блаженством непосредственного собеседования с богом. Это не был пиетизм нынешней великосветской беспоповщины: тогдашние признавали таинства, даже более, чем их значит по катехизису Филарета Дроздова, – и для «блаженного собеседования с Богом» признавали необходимым посредствующее участие духовенства. И государь Александр Павлович, и кн. Голицын относились к духов-

ным до того тепло и почтительно, что – случилось – целовали даже руки как у православных, так и у католических священников (у которых это и не принято). Но понятно, что они жаждали видеть и уважать в духовном его духовность и потому «тьмы низких истин им дороже был возвышающий обман». Когда они видели священный для них сан в унижении, они страдали так искренно, что, может быть, теперь иному это даже и понять трудно.

Нам могут указать, что государь и Голицын нередко принимали за благочестие ловко представленное притворство, за которым скрывалась порою гадость более противная. Не станем против этого и возражать: многие притворщики, без сомнения, дельвали дела и хуже, но ни император Александр Павлович, ни кн. Ал. Н. Голицын, ни прочие благочестивые люди их века, которых позднейшая критика винила в недостатке так называемого «русского направления» и в поблажке мистической набожности на чужеземный лад, не были виноваты в том, что грубость их отталкивала от себя. Она и в самом деле противна. Привыкнуть к ней трудно, да и не дай бог, а без привычки ее нельзя переносить, не угнетая в себе самых лучших своих чувств, на самой вершине которых в живой и благородной душе всегда будет стремление «поклоняться духом и истиною» Духу истины, иже от Отца

исходит и живит мир.

Ни от государя Александра Павловича, ни от Голицына с их туманными идеалами нельзя было и ожидать, чтобы они, огорчась церковным бесчинством, обратились за поправлением этого горя к общецерковной помощи, т. е. к приходу, ибо это не было, как выше сказано, в их вкусе, да и – как мы видели из истории у Спаса в Наливках – приход действительно мог казаться очень ненадежным.

Следовательно, очень понятно, почему поправлять дела в 20-х годах поручили не приходам, а опять синоду же.

Что же сделал синод, которому Голицын передал трогательное огорчение государя и его желание: «защитить народ от соблазнов духовенства»?

Глава пятнадцатая

Синод напечатал указы, в которых, во-первых, напоминание о прежних убеждениях, которые много раз были безуспешно делаемы духовенству, а во-вторых, поставил архиереям на вид волю монарха «обратить внимание на благочинных». Синод рекомендовал архиереям выбирать благочинных «способных, беспристрастных, расторопных и обязать их вперясть благонаравие, подчиненность и послушание». Вместе с тем велено было взять со всего русского духовенства «строжайшие подписки», что они, «сообразуясь с достоинством своего звания, будут стараться поведение свое при всяком случае сохранять, – жить в благонаравии, – пороков гнушаться и такими средствами, сколько возможно, изгладить из мнения государя неблагоприятное о себе замечание».

Духовенство, от которого повсеместно отобрали такие «строжайшие подписки», может быть, и старалось «поведение свое при всяком случае сохранять», но это ему решительно не удавалось, а император Александр I спустя пять лет скончался.

Во все наступившее затем царствование государя Николая Павловича духовенство также не счастливее продолжало «поведение свое при всяком слу-

чае совершенствоваться», и в результате все выходило то же самое. С усилением строгостей над литературою вообще и в особенности над пиетистическою и библейскою литературою, которая возбуждала внимание общества к положению дел в церкви, для дебошей духовенства настали времена более благоприятные. Неисчислимы массы происшествий возникали и гасли, окупленные у консисторских взяточников, которые стали брать иногда уже не только на себя, но и «на архиерейскую часть». Преобладающий характер в безобразиях николаевского времени – все тот же «соблазн мирянам», расширившийся до того, что с одним из иереев херсонской епархии детская слабость случилась, когда он стоял на великом выходе во святых дверях с чашею в руках... Ударили строгости, угрожавшие даже «умалением рода преподобных»; многих из духовной молодежи забрали «по разбору» в рекруты. Это была мера ужасная, «какой и не ожидали». Встряхнуло всех, и род преподобных действительно умалился, но не оскудел, и благочестие в духовенстве все-таки не процвело. Для исследования вопросов тогда, разумеется, было не время, но всего чувствительнее для всех казался недостаток хороших благочинных, которые, при большой зависимости от архиерейских чиновников, сделались «секретарскими данниками» и «переданниками», и, разумеется, никак

не могли «вперить» духовенству то, что и самим им в большинстве было чуждо.

Живая и многозначительная церковная должность благочинного приняла характер арендного откупщика: благочинный собирал дань с духовенства своего благочиния и вез «с книгами» в город, где была кафедра архиерейская. Это был порядок, который соблюдался открыто, гласно и повсеместно. Благочинный сделался консисторским мытарем и, чтобы держаться на месте, должен был наблюдать аккуратность в сборе и в платежах. Отсюда наибольшею частью за благочиния брались люди оборотливые и торговые... Люди тихого, кроткого, истинно благочинного духа всеми силами отказывались от этих должностей, с которыми им, впрочем, было и не справиться, да и не накормить тех, кого Петр в своем регламенте отыменовал «несытыми архиерейскими скотинами».

Опять целые полстолетия «ведомство православного исповедания» заботилось уврачевать немочи духовенства посредством таких формальных, но бесильных порядков и, наконец, признало их несостоятельность и постановило нечто новое и на сей раз действительно более надежное. В обер-прокурорство графа Д. А. Толстого восторжествовала правильная мысль поставить иначе самих благочинных, сделать их более самостоятельными и менее зависимыми от

прихотей архиерейского штаба...

Духовенство получило право выбирать себе благочинных из своей же среды. Образцового благочестия и благочиния это не создало и не могло создать в среде, в течение веков задавленной и павшей, но подъем духа все-таки совершился значительный. Люди заговорили о своем внутреннем достоинстве и стали интересоваться общественными делами своей среды. Воспитание детей двинулось вперед, вдруг и повсеместно, но старички еще иногда пошаливали по старине: новые порядки, уничтожившие благочиннические доходы, им не нравились, они мечтали о возвращении на попятный двор и доходили до пошлых выходок, вроде опускания в баллотировочные ящики ореховых свищей и пивных пробок...

По-видимому, смешно было бы и думать, чтобы подобные вещи, как свищи и пивные пробки, попавшие в баллотировочные ящики, могли иметь серьезное значение в церковном деле, однако случилось именно так. Страстная к скандалезностям газетная печать огласила один такой случай по свету, и о пробках пошел говор, которому противники выборного начала хотели придать общее значение и, выждав удобной поры, достигли своих целей. Все прежние неудачи, имевшие действительно характер общего значения, были позабыты, и выборное начало, установлен-

ное при графе Д. А. Толстом, в духе соборного православия, отменено, а вместо его введен в действие опять старый порядок назначения благочинных архиереями.

Это произошло так недавно, что результаты этой меры до сих пор еще не могли обнаружиться, но они, конечно, будут видны в будущем.

Однако новое движение к старому, если только оно будет последовательно проводимо в духе циркулярного синодского указа от 5-го августа 1820 года, этим не может быть кончено – оно требует завершения в той части, которой прежняя практика едва коснулась.

Глава шестнадцатая

Напомним, что указ 1820 года говорил тоже о «несоблюдении правил» – в чем тогда видели указание самим архиереям держаться установлений «Духовного регламента», который одни из них сами для себя подписали, а другие испразднили как для себя, так и для своих наступцев. В «Духовном регламенте» Петр I начертал им все, как весть себя, дабы делом править, а в тягость подчиненным не быть. С свойственною его многообъемлющей натуре внимательностью, Петр запретил архиереям, чтобы они позволяли «водить себя под руки и стлаться им в ноги» и делать многое тому подобное ко усилению их «непомерного самолюбия». Когда был опубликован указ 1820 года, с напоминанием «о несоблюдении правил», большинство архиереев пустили это мимо ушей, но были из них и такие, которые попробовали «соблюдать правила». Таков был, например, епископ астраханский, имени которого теперь не вспомню, но твердо знаю, что бывшее с ним ироническое происшествие описано в «Москвитянине» (1851–1853 гг.).

Поехал этот архиерей ревизовать свою епархию, с решимостью даже ехать «по правилам». А правилами регламента архиерею указывалось не выезжать с

вечера в приход, а ночевать за три версты, и утром прямо приехать, войти в церковь и служить. Цель этого указания очень понятна: чтобы архиерей видел все, как застанет, а не «вприготове», и чтобы приходские священники не были «обжиряемы архиерейскими несатыми скотинами» и не тратились на висант и рыбы, без которых, по доброму обычаю, не может обходиться архиерейская встреча, «а попам от того изнурительно».

Между тем, чтобы служить обедню, архиерею надлежит к тому приготовиться, выслушать накануне вечерню и проч. Петр Великий, начертывая регламент, это позабыл, или упустил из вида, что, при множестве его трудов, и весьма понятно, а архиереи, подписавшие регламент, о том «премолчали», – что тоже понятно и соответственно отваге их владычного духа. Но архиерею все-таки нельзя, не нарушая правил, служить без приготовления. Кроме того, не перед всякою приходскою церковью есть «за три версты» жилие, где бы можно было отслужить вечерню.

Вознамерившийся точно исполнять все правила регламента, астраханский архиерей все это предусмотрел и принял свои меры: он поехал с обозцем, в котором у него, между прочим, были и два холщевые шатра, или палатки.

Подъехал он к городу еще засветло и остановился,

как раз не доезжая трех верст, и как никакого человеческого жилья тут не случилось, то слуги архиерейские разбили на поле бывшие в обозе шатры. На дворе был ветерок и тучилось, а слуги архиерейские оказались не мастера закреплять шатры, и потому, раскинув одну палатку возле другой, они перепутали их на всякий случай одну с другою веревками. Это была предосторожность совершенно необходимая, если свеженький ветерок к ночи закрепчает и ударит погода. Затем в одной палатке владыка с иеромонахом стали молиться богу, а в другой – келейная прислуга и приспешники начали готовить ужин.

А в это самое время – надо было так случиться, – какому-то «служащему дворянину» довелось выехать из города в каком-то легком экипаже «для проездки молодой лошади». И вдруг видит этот дворянин среди хорошо ему знакомого чистого поля, где он никогда не встречал никакого воинства, – стоят две палатки, одна близь другой, и около их дымок курится...

Дворянин был человек любопытный. Чрезвычайно его заинтересовало, что это за шатры, какой витязь или богатырь стал в них под его родным городом? И показалось дворянину необходимым немедленно же разузнать, чем эта странная внезапность угрожает мирному городку, который в виду темнеющих небес готовился почить от трудов дневных. Пусть бьют вспо-

лох и собирают силу, способную отразить супостата.

Но дворянин был сколь любопытен, столь же и труслив: хотелось ему и подсмотреть за шатрами, да боязно было к ним прямо подъехать, ибо не знал он, какая в них рать и сколь велика ее сила. Он и поднялся на хитрости, – стал делать около палаток объездные круги по тому способу, как ружейные охотники стаю дрохв объезжают, т. е. все вокруг их кружат, делая один круг другого теснее.

А когда дворянин довольно сблизился, то на одном из таких оборотов он пустил свою молодую лошадь, будто не мог с нею управиться, и наметил ее ход как раз в тот промежуток между двумя палатками, где проходили напутанные архиерейскими слугами веревочные сцепления.

Веровок этих по темноте дворянин издали не рассмотрел и не успел опомниться, как и лошадь его, и экипаж, и сам он очутился в тенетах, а обе палатки сорвались с колков и архиерей с иеромонахом, и слуги с таганами и кастрюлями – все полетело копром и в кучу... А к довершению живой картины, внезапно хлынувший дождик начал орошать всю эту группу своими потоками...

Первый пришел в себя архиерей, и первый же нашелся, что делать: и шуйцею и десницею он привлек к себе виновника происшествия за волосы, а сослужив-

шие и слуги архиерейские, последовав примеру владыки, споспешествовали расправе, и в самое непродолжительное время они соборне так отделали дворянина, что тот, забыв искать убежавшего коня, насилу притащился в город и возвестил, что приехал архиерей сердитый-пресердитый и ужасно дерется.

Духовные, которых это известие всего ближе могло касаться, исполнились радосторастворенного страха и сию же минуту принялись все приводить в порядок, а в поле выслали умиленную депутацию. Посланные с фонарями отыскиали под дождем перемокшего владыку и его свиту и доставили всех их в город. Владыка не устоял и потек богошественными стопами обсушиваться. Выходило это против регламента, но, как известно, «нужда пременяет законы».

Глава семнадцатая

Рассказанный случай, разумеется, не составляет в какой-нибудь мере необходимое следствие того правила, последствием которого явилось описанное забавное происшествие, но оно курьезно завершает картину разнородных опытов к подъему церковных дел способами, доказавшими уже свою несостоятельность, и его достойно припомнить для тех, кои думают, что уместнее всего теперь будто бы сделать крутой поворот к практике регламента.

Какое несчастье видеть все спасение в поворотах назад? И если так, то докуда поворачивать? Хуже ли ныне, чем было прежде, например, в те времена, когда на земле жили святые люди, а церковью правили образцовые правители?

«Вчера печаль, рыдание и скорбь чад церкви Божией; тоже и сегодня, да и долго еще будет так. О, если бы не возвращаться мне на прежнее», – говорит Евстафий Солунский.

«О, если бы не возвращаться!..»

Впервые опубликовано – журнал «Исторический вестник», 1883.